

Христианский взгляд на старость и старение. Свидетельство Писания

Ричард и Джудит Хейз

Примечание редактора. Мы рады представившейся возможности переиздать эссе, которое показывает плодотворное партнерство, характеризующее почти сорокалетний брак Ричарда и Джуди. Призыв к христианскому ученичеству всегда побуждает к действию и наполняет надеждой. На каком бы этапе своей жизни ни находились люди, этот призыв дает возможность увидеть соответствующее решение, потому что они рассматривают старость не как конец пути, а как важную его веху.

Введение

Несмотря на то, что вопрос старения и попечения о пожилых людях сегодня широко обсуждается на западе, в Новом Завете на удивление об этом мало сказано. По крайней мере, отчасти такое молчание можно объяснить отличием социальной и культурной жизни: не многие люди в новозаветное время достигали преклонного возраста,¹ но те, кто доживали

¹ О продолжительности жизни в древнем Средиземноморье см. Tim G. Parkin, *Roman Demography and Society* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992). Паркин подсчитал, что ожидаемая продолжительность жизни была 25 лет, что было обусловлено, в основном, высокими показателями младенческой смертности, и что «в римском обществе количество населения старше 60 лет составляло где-то 5 – 10 процентов от общего населения» (стр.134). Роджер Багнал и Брюс Фрьюер (*The Demography of Roman Egypt* [Cambridge: Cambridge University Press, 1994]) подсчитали, что для римского Египта ожидаемая продолжительность жизни девочки составляла 20 – 25 лет, но если девочка доживала до 10 лет, она имела все шансы прожить 34, 5 – 37, 5 лет. Это говорит о том, что в среднем женщины умирали в возрасте 44 – 47 лет (стр. 90). Читайте также исследования Ene-lyne Patlagean, *Pauvreté économique et pauvreté social à Byzance, 4e-7e siècles* (Paris:

до старости, были почитаемы и уважаемы в обществе. Однако старение не воспринималось ранними христианами как проблема, требующая какого-то духовного решения. Следовательно, книги Нового Завета не дают обстоятельного ответа на вопросы, которые могут нам казаться насущной проблемой: как предотвратить физические проявления старения, как покрыть расходы на долгосрочный уход за престарелыми, содействовать ли осуществлению предпочтений умирающих пациентов. В отличие от Нового Завета, Ветхий Завет содержит больше историй о людях, доживших до глубокой старости, например Мафусал, Давид и т. д. Но опять-таки, культурный контекст, в рамках которого рассматривается старение, настолько отличается от нашего, что наши проблемы и проблемы авторов Библии невозможно поставить в один ряд. В таком случае означает ли это, что Библия нам мало поможет в богословском размышлении о том, как христиане должны относиться к старению и реагировать на него? Наоборот, поскольку тексты Писания дают другое восприятие старения, они могут побудить нас остановиться и задуматься о собственных взглядах на этот вопрос.

В этой статье мы сосредоточим внимание на материалах Нового Завета, но нам не следует забывать, что Писание церкви включает в себя канон, состоящий из двух частей – Ветхого и Нового Заветов. Тексты Нового Завета – это часть длинной истории об отношениях Бога с Израилем, записанной на страницах Ветхого Завета. Авторы Нового Завета продолжают эту историю и дают новый ракурс, в свете которого следует ее истолковывать. Поэтому наше рассуждение о старении, хотя и сосредоточенное на Новом Завете, будет учитывать и более широкий библейский контекст.

Исследование вопроса о старении будет состоять из четырех частей. Мы начнем с определения терминов, используемых для обозначения понятий «старый» и «стареющий» в Новом Завете. Затем мы исследуем, как представлены стареющие личности в Новом Завете, и предложим богословские рассуждения на темы, выделенные в этих историях. В третьей

Mouton, 1977), pp. 95-101. Согласно ее подсчетам, половина населения умерла до 44 лет. Для сравнения: в Соединенных Штатах для родившихся в 1998 году предполагаемая продолжительность жизни составляет 76, 7 лет (National Center for Health Statistics, *Health, United States 2000 with Adolescent Health Chartbook* [Hyattsville, Md.: FIFARS, 2000], стр. 4). К тому же, к 2000 году 13 процентов населения Соединенных Штатов достигло возраста 65 лет и старше (Federal Interagency Forum on Aging Related Statistics [FIFARS], *Older Americans 2000: Key Indicators of Well-Being* [Hyattsville, Md.: FIFARS, 2000], p. 2). Девочки, которым было 10 лет в 1998 году, могут надеяться прожить еще 60, 2 лет, и медиана возрастного состава всего населения США составляет 80 лет (Centers for Disease Control: National Vital Statistics Report 48:18, pp. 2, 4).

части мы обратим внимание на то, что Иисус, новозаветный пример верности Богу, был распят, будучи еще молодым человеком, не достигшим преклонного возраста. Имеет ли это значение для богословских размышлений о старении? И, наконец, мы выскажем предположение, что сам по себе вопрос старения не вызывал у библейских авторов большого интереса, а скорее *telos* – то, к чему ведет процесс старения – смерть. Библейский взгляд на старение сосредотачивает наше внимание на смерти как на конце, к которому мы идем, и как на последнем враге, которому противостояла Божья искупительная сила.

Библейская терминология старения

В Новом Завете мы встречаем несколько терминов, относящихся к старению или к людям пожилого возраста, хотя встречаются они не часто. Слово *presbytēs* (старец) появляется три раза. В двух случаях термин использован для самоопределения Захарией (Лк. 1, 18) и Павлом (Флм. 9). В третьем случае этот термин относится к старцам церкви на Крите, которым посланный Павлом Тит должен был дать наставления (Тит. 2, 2). В том же контексте появляется равнозначное существительное женского рода *presbytis* (старица) (Тит. 2, 3), и это единственное использование этого термина в Новом Завете. Близкий по смыслу термин *presbyteros* (старейшины) относится к лидерам синагоги (напр., Мф. 21, 23; Лк. 7, 3; Деян. 25, 15) или церкви (напр., Деян. 15, 2; 1 Тим. 5, 17; Тит. 1, 5; Иак. 5, 14). Такое использование термина предполагает, что лидерство связано со старшинством в общине. Однако иногда термин *presbyteros* – его сравнительная адъективированная форма (как правильно предлагает английский перевод слова «старейшина»), – относится к старшим людям без упоминания какого-либо руководящего поста, например, в Деян. 2, 17; 1 Тим. 5, 1 (ср. также форму множественного числа женского рода *presbyteras* в 1 Тим. 5, 2), и, возможно, 1 Пет. 5, 5.

Имя существительное *gerōn* («старец», от которого происходит английское слово «геронтология») появляется всего лишь раз в вопросе Никодима к Иисусу (Ин. 3, 4). Производные термины – *geras* («старость», Лк. 1, 36) и глагол *geraskō* («состариться», Ин. 21, 18; Евр. 8, 13). Этот термин относится к возрасту и не имеет отношения к высокому положению, в отличие от терминов *presbytēs* и *presbyteroi*.

И, наконец, прилагательное *palaios* (от которого происходят такие слова, как «палеонтология») – означает «древний, существующий продолжительное время» и часто заключает в себе «смысл чего-то уста-

ревшего и изношенного».² Это слово использовалось для обозначения старой изорванной одежды или ветхого непрочного бурдюка (Мк. 2, 21-22 и параллельные места), старой закваски, выброшенной во время подготовки к Пасхе (1 Кор. 5, 7), «ветхого завета», который читали в синагоге (2 Кор. 3, 14; ср. Рим. 7, 6), ветхого невозрожденного человека, преданного смерти (Рим. 6, 6) или греховного образа жизни, который человек сбрасывает как поношенную одежду, чтобы облечься во Христа (Еф. 4, 22; Кол. 3, 9). Изредка в Новом Завете слово *palaios* относится к учению, которое почиталось из-за своей древности (Мф. 13, 52; 1 Ин. 2, 7). Важно отметить, что термин *palaios* никогда не употреблялся в буквальном смысле для описания человека преклонного возраста.

Образы пожилых людей в Новом Завете

Образы пожилых людей играют важную роль в первых главах Евангелия от Луки. Первыми действующими лицами в повествовании Луки были священник Захария и его жена Елисавета, они оба были «в летах преклонных» (Лк. 1, 7). Хотя «оба они были праведны пред Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно», однако, к несчастью, супруги оставались бездетными (Лк. 1, 6-7). Когда мы читаем, как ангел Гавриил явился Захарии в храме и пообещал, что Елисавета родит сына, который должен прийти в духе Илии и призвать Израиль у покаянию (Лк. 1, 13-17), на память приходят ветхозаветные истории об Аврааме и Сарре (Быт. 18, 1-15; 21, 1-7), а также Анне и ее муже Елкане (1 Цар. 1, 1-20). В этих историях удивительная благодать Божья была явлена через обещание и рождение ребенка у прежде бесплодной пары. История с Авраамом и Саррой особенно впечатляет, так как они были в преклонном возрасте. Удивительная способность родить в пожилом возрасте подчеркивает силу и суверенность Бога: «Есть ли что трудное для Господа?» (Быт. 18, 14; ср. Лк. 1, 37).

Тем не менее, как и Сарра, встретившая божественное обещание скептическим смехом, Захария также считает исполнение обещания маловероятным; в результате ангел Гавриил поразил его временной немощью (Лк. 1, 18-23). Но почти сразу же Лука повествует об исполнении обещанной доброй новости: «После сих дней зачала Елисавета, жена его» (Лк. 1, 24). По мере развития сюжета мы видим повторяющиеся упоминания о преклонных годах «молодых родителей». Обращаясь с благой вестью к Марии, ангел Гавриил открывает ей, что «Елисавета, родственница твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей» (Лк. 1, 36).

---

² Ф. Данкер, *A Greek-English Lexicon of the New Testament and Other Early Christian Literature*, third ed. (Chicago: University of Chicago Press, 2000), p. 751.

Несмотря на первоначальные сомнения Захарии, и он сам, и Елисавета стали пророками, распознавшими начало нового века. Это первых два действующих лица в истории Луки, о которых сказано, что они исполнились Святого Духа (Лк. 1, 41.67). Елисавета называет Марию «блаженной между женами» и пророчески говорит о ней как о «Матери Господа моего», таким образом, становясь первой, кто назвал Иисуса титулом *kyrios* (Лк. 1, 42-43). Захария, в свою очередь, после рождения Иоанна вновь обрел речь и провозгласил пророчество, подытожив эпический размах библейского повествования, и заявив, что Божьи обещания искупить Израиль сейчас исполняются (Лк. 1, 67-79). Таким образом, в тщательно структурированном повествовании Луки пожилые действующие лица Елисавета и Захария становятся орудием исполнения Божьей цели и первыми истолкователями Божьих спасительных действий.

По мере развития рассказа Луки о рождении и детских годах Иисуса, мы встречаем еще две пророчествующие личности: Симеон и Анна стали пророческим дуэтом, приветствующим младенца Иисуса по случаю его очищения в храме (Лк. 2, 22-38). Старцу Симеону, «чаявшему утешения Израилева» (т. е. его освобождения от римлян), было обещано Духом Святым, что он не умрет, пока не увидит Господа Мессию. Увидев младенца Иисуса, он признал его избранным Божьим и трогательно провозгласил:

*Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко,
по слову Твоему, с миром,
ибо видели очи мои спасение Твое,
которое Ты уготовал пред лицом всех народов,
свет к просвещению язычников
и славу народа Твоего Израиля (Лк. 2, 29-32).*

Продолжая говорить под влиянием Духа, он нарастев произносит для Марии печальное пророчество о страданиях, предсказывая и ее мучения, и роль ее сына Иисуса как предзнаменование «на падение и на восстание многих в Израиле» (Лк. 2, 34). Подобно и Анна – восьмидесятичетырехлетняя пророчица, часто посещающая храм для поклонения и служащая молитвою днем и ночью, – узнала Иисуса, воздала славу Богу и объявила весть о нем «всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме» (Лк. 2, 38).

Таким образом, рассказ Луки представляет пару пожилых свидетелей женского и мужского пола, гармонично дополняющих друг друга и возвестивших мессианское призвание Иисуса и конфликт, вызванный его миссией. Преклонный возраст Симеона и Анны свидетельствует об испытанной временем мудрости и в то же время символизирует выстраданное чаяние об освобождении Израиля. Эти два престарелых героя повествования также наводят на мысль, что полную открытость к искупительной силе Божьей можно найти среди старших людей, пожалуй, именно там.

В Евангелии от Иоанна мы читаем о пожилом человеке, который служит иллюстрацией совсем неоднозначного восприятия Иисуса в Израиле. Никодим, начальник иудейский, пришел к Иисусу ночью, чтобы задать ему вопрос (Ин. 3, 1-21). Нам неизвестен его возраст, но его реакция на загадочные слова Иисуса о необходимости родиться вновь предполагает, что он был далеко не молодым человеком: «Как может человек родиться, *будучи стар*? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?» (Ин. 3, 4; курсив автора). Ответ Иисуса показывает, что Никодима не должна удивлять необходимость родиться свыше даже в преклонном возрасте, потому что новое рождение – это работа Духа, который дышит, где хочет.

В этой истории, в противоположность рассказу о Симеоне и Анне, возраст не свидетельствует об особой мудрости или проницательности. Действительно, роль Никодима, как авторитетного «учителя Израилевого», кажется, стала препятствием на пути его понимания Слова Божьего, воплощенного в Иисусе, и его приход ночью символически объединяет его с теми, кто «более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы» (Ин. 3, 19). В третьей главе Евангелия от Иоанна Никодим исчезает с поля зрения, и мы не знаем, как он отреагировал на слова Иисуса. Его последние слова в Евангелии от Иоанна выражали скептическое недоумение: «Как это может быть?» (Ин. 3, 9). Но все же, когда мы читаем эту историю в каноническом контексте, мы замечаем сходство между ответом Никодима и ответом Марии на обещание ангела Гавриила, что она родит Сына, который станет новым царем из рода Давида: «Как будет это, когда я мужа не знаю?» (Лк. 1, 34). Возможно, вопрос Никодима не был связан с его окончательным решением, как вопрос Марии. Действительно, позже в истории две другие ссылки показывают, что Никодим продолжает быть, по крайней мере, тайным последователем Иисуса – он выступает, хотя и не открыто, в защиту Иисуса перед первосвященниками и фарисеями (Ин. 7, 45-52), и вместе с Иосифом из Аримафеи приготавливает тело Иисуса к погребению (Ин. 19, 38-42).

В последней главе Евангелия от Иоанна, в рассказе о Петре и любимом ученике, мы находим некоторые важные свидетельства для исследования образов пожилых персонажей в Новом Завете. Воскресший Иисус пророчествует о смерти Петра в преклонном возрасте: «Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда *состаришься*, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь» (Ин. 21, 18; курсив автора). Это пророчество о мученической смерти в преклонном возрасте побудило Петра поинтересоваться судьбой «ученика, которого любил Иисус». Уклончивый ответ Иисуса дает повод рассказчику прокомментировать,

что, вопреки некоторым слухам, Иисус не предсказывал, что его любимый ученик не умрет (Ин. 21, 23). Этот авторский комментарий, похоже, предполагает ситуацию, которая произошла в конце первого столетия, когда любимый ученик, после долгих лет свидетельства и служения (Ин. 21, 24), все же умер. Таким образом, эта история подразумевает, что и Петр, и любимый ученик, несмотря на разную смерть, до преклонного возраста продолжали быть свидетелями евангелия и ключевыми лидерами раннехристианского движения.

В посланиях апостола Павла мы находим только несколько стихов, говорящих о престарелых людях. Самые важные из них – это пересказ Павлом истории об Аврааме и Сарре в четвертой главе Послания к Римлянам. Представляя веру Авраама, Павел подчеркивает его преклонный возраст: «И, не изнемогши в вере, он не помышлял, что тело его, почти столетнего, уже омертвело, и утроба Саррина в омертвлении» (Рим. 4, 19). Невзирая на эти кажущиеся безнадежные обстоятельства, Авраам продолжал верить, что «Он силен и исполнить обещанное. Потому и вменилось ему в праведность» (Рим. 4, 21-22). Таким образом, Павел ставит Авраама в пример веры не только для пожилых людей, но и для всех верующих.

Павел вскользь называет себя «старцем», который сейчас «узник Иисуса Христа» (Флм. 9). Такое самоопределение может быть предназначено для того, чтобы вызвать уважение со стороны адресатов письма, которых он пытался уговорить милостиво поступить с рабом Онисимом. В других текстах упоминание Павла о себе как об «отце» обращенных им людей, служит похожей цели – уважительно относиться к нему как к отцу (напр., 1 Кор. 4, 14-16; 2 Кор. 6, 13; Гал. 4, 19-20; 1 Фес. 2, 11-12). Хотя Павел здесь обращает внимание не столько на свой преклонный возраст, сколько на метафорическое «отцовство»: он тот, кто обратил их к Иисусу.

Уважение к почтенному возрасту членов общества подчеркивается в посланиях к Тимофею и Титу. Например: «Старца не укоряй, но увещивай, как отца» (1 Тим. 5, 1). Здесь мы также находим конкретные распоряжения о том, что община должна помогать вдовам, которые старше 60 лет, и что женщины, признанные церковью как вдовы, должны отдавать свои силы молитве, гостеприимству и служению страждущим (1 Тим. 5, 3-16). В Послании к Титу говорится, «чтобы старицы также одевались прилично святым, не были клеветницы, не порабощались пьянству», и чтобы они учили молодых женщин исполнять свои домашние обязанности, «да не порицается слово Божие» (Тит. 2, 3-5). Пожилым же мужчинам даны более общие указания: «чтобы старцы были бдительны, степенны, целомудренны, здоровы в вере, в любви, в терпении» (Тит. 2, 2). Такое нравственное учение для пожилых – это часть большой заботы в посланиях Павла о том, чтобы церковная община была уважаемой в глазах общества,

но оно мало помогает в раскрытии конкретного вопроса о христианском нравственном отклике на проблемы старения.

Исследуя отдельные ссылки Нового Завета о стареющих людях, можем ли мы сделать какие-либо общие замечания или выделить какие-либо характерные темы?

Первое, авторы Нового Завета считают пожилых людей достойными уважения, почтения и особой заботы. Если пожилые люди одиноки и находятся в нужде, церковная община призвана заботиться о них, а те, кто не печется о престарелых членах своей семьи, резко осуждаются: «Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (1 Тим. 5, 8). Согласно Посланию Иакова – «чистое и непорочное благочестие» посвящает себя заботе о вдовах и сиротах (Иак. 1, 27). Одно из самых суровых порицаний Иисуса, высказанных книжникам и фарисеям, связано с их казуистикой, которая приводила к отказу заботиться о своих престарелых родителях (Мк. 7, 9-13). Даже во время распятия Иисус проявил заботу о своей матери Марии, вручив попечение о ней своему возлюбленному ученику, который впоследствии «взял ее к себе» (Ин. 19, 26-27).

В свою очередь, пожилые люди несут особенную ответственность. Они должны быть олицетворением веры, служить примером степенности и почтительности (Тит. 2, 2-5). Им следует осуществлять руководство в общине, особенно в области учения и душепопечительства. На их долю могут выпасть страдания и даже мученичество. Они могут при жизни так и не увидеть исполнения Божьих обетований, данных народу. И все же пример их веры, преодолевающий смерть, дан последующим поколениям (Евр. 11).

Такая достойная подражания вера воплощена пожилыми героями рассказа Луки о рождении Иисуса и в повествовании Павла об Аврааме и Сарре – они на практике научены быть внимательными к словам Бога. Точно так же как люди, которые на протяжении многих лет полагались на Божьи обетования, они воплощают в себе добродетели долготерпения и веры в то, что Бог остается верен своему народу. Они также служат примером веры и надежды, даже когда обстоятельства кажутся безнадежными.

И, наконец, пожилые библейские персонажи свидетельствуют о больших возможностях в преклонном возрасте: Захария и Елисавета, Авраам и Сарра, и, возможно, Никодим, демонстрируют способность к изменению, зарождению новой жизни и осуществлению надежд на исходе лет. Доверяющие Богу не сосредоточились ни на своем прошлом, ни на традиционных социальных ролях, ни на избитых путях, выбранных раньше в жизни. Напротив, они остаются открытыми для принятия того, что

Бог хочет дать, открытыми к свежему, удивительному действию Божьего Духа, как сказано в пророчестве Иоиля, процитированного Петром в проповеди в день Пятидесятницы: «и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут» (Деян. 2, 17; цит. Иоил. 2, 28).³ В отличие от старого священника Илия (1 Цар. 3, 1-9), пожилые персонажи, предложенные вниманию читателя в Новом Завете, остаются открытыми к голосу Божьему и откликаются на услышанное. Они праведные люди, о которых говорится в Пс. 91:

*Праведник цветет, как пальма,
возвышается подобно кедру на Ливане.
Насажденные в доме Господнем,
они цветут во дворах Бога нашего;
они и в старости плодовиты,
сочны и свежи,
чтобы возвещать, что праведен Господь,
твердыня моя, и нет неправды в Нем (Пс. 91, 13-16).*

Писание полно историй о том, как Бог входит в жизнь отдельных пожилых людей, чтобы даровать им особый дар или призвание.

Не менее важно, пожалуй, то, что *не* сказано о пожилых людях в Новом Завете. Нигде в библейском каноне мы не читаем, что их жалели, относились свысока или обращались со снисхождением. Нигде само старение не описывалось как проблема. Нигде пожилых людей не описывали как жалких, неадекватных или как аутсайдеров – неактивных и бесполезных. Нигде они не изображены смешными, как во многих западных рассказах и драмах. Напротив, их видят как носителей мудрости в силу своего возраста. Смерть рассматривается как враг, который будет побежден Христом в будущем (напр., 1 Кор. 15, 24-26), но, кажется, что авторам Нового Завета никогда и в голову не приходило охарактеризовать сам процесс старения как зло, которое нужно преодолеть. Таким образом, Новый Завет предлагает альтернативное представление, где современное, популярное мнение о старении как о проблеме может выглядеть непонятным и вредным.

Размышления о Мессии, который умер молодым

Иисус не дожил до преклонных лет. Церковь рассматривает Иисуса из Назарета как яркий пример истинной человечности, образец честно

---

³ Этот стих обозначен как Иоил. 3, 1 в иудейском тексте и в Септуагинте. Цитирование этого текста Лукой в Деян. 2, 17 изменяет предложение, ставя смысловое ударение на слове «старцы» (*presbyteroi*).

прожитой жизни, хотя он и не дожил до так называемого «старческого возраста». Лука говорит, что «Иисус, начиная [Свое служение], был лет тридцати» (Лк. 3, 23), и его трехлетнее служение закончилось казнью римскими властями. Иисус, вероятно, родился в период с 6 по 4 гг. до н. э. во время правления Ирода Великого (который умер в 4 г. до н. э.), и, вероятно, был распят в 30 году н. э. при римском наместнике Понтии Пилате. При таком расчете, на момент смерти ему было не больше тридцати шести лет.⁴ Таким образом, Иисус умер в расцвете сил, не испытав старости. Значит ли это, что у нас не осталось христологически обоснованного образца для христианского отклика на старение? В таком случае, имеет ли это какое-то богословское значение для нас?

Прежде всего, характер смерти Иисуса служит постоянным напоминанием, что верность важнее долголетия. Продолжительная жизнь – благословение (Притч. 16, 31; 20, 29), но мы не должны считать, что имеем право на длинную жизнь. Бог может призвать нас отдать собственную жизнь. Путь ученичества, как неоднократно учил Иисус своих последователей, ведет на крест (напр., Мк. 8, 34-38; Лк. 14, 25-27). Иисус стал для нас образцом твердой веры в Бога, которая дает силы действовать свободно и нести свидетельство об истине, даже если такое свидетельство может привести к смерти. Книга Откровения превозносит верных мучеников, победивших великого дракона сатану «кровию Агнца и словом свидетельства своего, и не возлюбили души своей даже до смерти» (Откр. 12, 11). Таким образом, христиане могут научиться на примере Иисуса тому, что им не нужно жить в режиме самозащиты, отчаянно цепляясь за жизнь любой ценой, делая идола из своей физической жизни. Мы свободно уходим из жизни, когда приходит время, потому что верим, что в конце нас оправдает Бог.

Эти рассуждения подводят нас к следующему выводу: если мы не всегда можем рассчитывать на долгую жизнь, мы должны каждую минуту своей жизни проживать во всей полноте, независимо от возраста. Знаменитое учение Иисуса о том, что нам не нужно заботиться ни о своей жизни, ни о завтрашнем дне (Мф. 6, 25-34), нужно понимать не только в свете радикальной веры в Божью праведность, но также и в контексте истории страстей Христовых. Именно из-за того, что мы не можем контролировать завтрашний день и выбирать время своей смерти, мы должны принимать

⁴ По сложному вопросу определения точной даты рождения и смерти Иисуса, см. Джон Майер *A Marginal Jew: Rethinking the Historical Jesus*, Anchor Bible Reference Library (New York: Doubleday, 1991-2001), v. 1, pp. 372-433. В Ин. 8, 57 скептические собеседники говорят Иисусу: «Тебе нет еще пятидесяти лет, – и Ты видел Авраама?» Это не означает, что Иисусу было около пятидесяти лет, это был всего лишь приблизительный подсчет, чтобы указать, насколько возмутительным они считают высказывание, что Авраам видел «день Иисуса» и возрадовался.

каждый день как подарок, обращаясь к Богу с просьбой о хлебе насущном, и быть уверенными, что мы прежде ищем царствия Божьего, а не расточаем свое время и силы на второстепенные заботы.

Второе, хотя Иисус и умер молодым, его страдания олицетворяют и искупают весь человеческий опыт, все человеческое страдание. Как Сын Человеческий, он испытал на себе все превратности человеческой судьбы. Формулируя собственное понимание воплощения, раннехристианские богословы утверждали, что Иисус был не только истинно Богом, но и истинно человеком, потому что лишь приняв человеческую природу, он мог полностью искупить ее. Как сформулировал это утверждение Григорий Назианзин: «Не исполняется то, что не предполагается, и то, что соединяется с Богом, спасается».⁵ Это значит, что жизнь и смерть Иисуса следует понимать как образец для всего человеческого опыта. Не имеет значения то, что Иисус не был женщиной, язычником, высокообразованным или пожилым. Это ничего не значит, потому что мы непостижимым образом включены в страдание, смерть и воскресение, его опыт поглощает наш и становится ключом к пониманию собственного опыта. Неважно, мужского мы пола или женского, африканцы или китайцы, неграмотные или образованные, молодые или старые. Поэтому христианский отклик на старение требует от нас научиться творческому навыку применения креста и воскресения как призмы, через которую мы будем рассматривать свое собственное старение и смерть. Мы учимся принимать переживаемые страдания, особенно в пожилом возрасте, потому что «всегда носим в теле мертвость (*nekrōsis*) Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем» (2 Кор. 4, 10). Наша цель, как говорит Павел, «познать Его, и силу воскресения Его, и участие (*koinōnia*) в страданиях Его, сообразуясь смерти Его» (Флп. 3, 10).

Все это противоречит нынешней широко распространенной тенденции считать, что мы можем быть глубоко солидарны только с теми, кто принадлежит к нашей культуре, расе, классу, полу или переносит те же несчастья. Евангелие учит по-другому: мы все должны понимать свою жизнь как укорененную в истории Иисуса, и мы находим там общность, которую в противном случае никогда бы не увидели. Как ни парадоксально это звучит, но таким образом пожилые люди найдут в повествовании об Иисусе, который умер в возрасте чуть старше тридцати лет, образец, формирующий их жизнь в процессе борьбы с проблемами старения.

Этот образец, как объясняет нам Новый Завет, – образец самопожертвования ради других. Христианский отклик на старение сформиро-

---

⁵ Григорий Назианзин, Epistle 101 (*Ad Cledonium*), *Patrologia Graeca* 37:181C–184A.

ван примером Иисуса, который смирил себя и ради нас стал послушным даже до смерти (Флп. 2, 1-13). Поэтому Павел может писать о себе:

Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня (Гал. 2, 19б-20).⁶

Следовательно, чем старше мы становимся, тем чаще нам следует задавать вопрос о том, как мы можем посвятить свою жизнь людям. Старость – это не просто время расслабиться и играть в гольф, и не время только для того, чтобы вспоминать прошлое. (Хотя отдых и воспоминания наверняка имеют право на существование в нашей жизни.) Этот христологический принцип для преклонных лет жизни бросает вызов и низвергает многие традиционные модели старения, которые мы видим вокруг: старики как беспомощное, бесполезное бремя общества, или старость как время бездельничать и почивать на лаврах, заработанных на протяжении всей трудовой жизни. Для восприятия старческого возраста в свете примера Мессии, который умер молодым, нужно принять совет Т. С. Элиота: «Старики должны быть исследователями»,⁷ при условии, что исследуемые нами территории – это путь ученичества, который Иисус наметил для нас.

Победа над смертью, последний враг

Библия не видит проблемы в старении, но смерть – это другой вопрос. Библейские авторы имеют трезвый и реалистичный взгляд на смерть, как на зловещую тень, нависшую над миром. Псалмопевец сетует на кратковременность жизни и неизбежность смерти:

*Все дни наши прошли во гневе Твоем;
мы теряем лета наши, как звук.
Дней лет наших – семьдесят лет,
а при большей крепости – восемьдесят лет;
и самая лучшая пора их – труд и болезнь,
ибо проходят быстро, и мы летим (Пс. 89, 9-10).*

Для авторов Ветхого Завета выражение «мы летим» не означает восхищение души на небеса. Скорее, это просто описание скоротечности человеческой жизни, что она – как засохший цветок, который ветер

---

⁶ По этому переводу см. Richard B. Hays, *Galatians*, New Interpreter's Bible, vol. 11 (Nashville: Abingdon, 2000), pp. 242-45.

⁷ Т. С. Элиот, “East Coker,” in *The Complete Poems and Plays* (New York: Harcourt, Brace and World, 1962), p. 129.

уносит своим дуновением (Пс. 102, 15-16). Если и есть какое-то упоминание о жизни после смерти в Ветхом Завете, то она, главным образом, представляется как нисхождение в шеол, мрачный мир, где пребывают умершие. В незабываемых образах Исаии, смерть – это «покрывало, покрывающее все народы, покрывало, лежащее на всех племенах» (Ис. 25, 7). Исаия пророчесствует о дне, когда Бог уничтожит это покрывало и «поглощена будет смерть навеки» (Ис. 25, 8), но этот день в Ветхом Завете остается только будущей надеждой.

Отвращения к смерти мы не видим только в Ветхом Завете, во всяком случае, в Новом Завете мы осознаем намного яснее, что смерть – это великое зло. В отличие от отстраненности Сократа перед лицом смерти, которую он встречал с невозмутимым спокойствием, Иисус молился в Гефсиманском саду в смятении и печали, ожидая своего ареста и казни. Он молил Бога спасти его от смерти (Мк. 14, 32-42). Согласно некоторым рукописям Евангелия от Луки: «И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лк. 22, 44). Этот момент необходимо подчеркнуть, потому что сентиментальное христианское благочестие иногда опускается до разговоров о смерти как о плавном переходе в лучший мир. Но подобный взгляд далеко отстоит от действительного мнения авторов Нового Завета. Иисус плакал у гроба Лазаря (Ин. 11, 32-37). Павел охарактеризовал смерть как последнего врага, который будет уничтожен Христом в эсхатологическом будущем, когда все, наконец, будет покорено Богу (1 Кор. 15, 26-28). Поэтому в мире, в котором еще не все покорено Иисусу (Евр. 2, 8), процесс старения несет с собой пугающую перспективу смерти.

Ответ Нового Завета на проблему смерти – решительный и твердый: Бог победит силу смерти воскресением тела в последний день. Воскресение Иисуса – это и первые плоды окончательного воскресения, и признак эсхатологического воскресения, в котором примут участие все, кто принадлежит Христу (1 Кор. 15, 20-28). Таким образом, надежда на воскресение лежит в основе того, как христиане на практике встречают старость. Воскресение формирует наше понимание старения как минимум двумя способами.

Первое, доктрина воскресения подтверждает Божью непоколебимую преданность творению, Божью решимость искупить то, что он сотворил. По этой причине идея гностического пренебрежения телом – весьма далека от христианской мысли. Христиане, как пишет Павел, стенают вместе со всем творением, ожидая искупления: «Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне; и не только (она), но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего» (Рим. 8, 22-23, курсив автора). Заметьте, что имеющие Духа

ожидают искупления не от своих тел, а искупления своих тел. Этот фундаментальный элемент христианского учения породил широкий спектр традиций, которые почитают физическое тело и заботятся о нем и в жизни, и в смерти.⁸ Мы верим, что тело не будет уничтожено, а преобразится при воскресении. Поэтому жизнь в теле и в старости продолжает иметь большое значение.

Второе, поскольку воскресение Иисуса провозглашает Божий триумф над силой смерти, мы свободны от страха, больше не скованы и не контролируемы страхом старости и смерти. Это добрая новость волнующе изложена в Послании к Евреям:

А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные, дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола, и избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству (Евр. 2, 14-15; курсив автора).

Старая, мы встречаем смерть во Христе и с Христом. Пока смерть остается страшным врагом человеческого благополучия и Божьей искупительной воли для мира, мы знаем, что ее жало уже изъято, как Павел заявляет в 1 Кор. 15, 55. Мы больше не живем в рабстве греха. Джон Донн, великий поэт метафизической школы семнадцатого столетия, присоединяется к насмешкам Павла в отношении смерти, персонифицировав ее как силу, которая хочет уничтожить нас:

*Не будь так горделива, Смерть,
Хотя тебя и называют страшной и всесильной;
Ты думаешь, что всех способна погубить, –
Но, Смерть, мне жаль тебя: нас не убить.
.....
Заснем, а там, глядишь, проснемся в запределье
И вечность обретем. А ты, Смерть, ты умри.⁹*

В такой уверенности, вдохновленной свидетельством Нового Завета, мы свободны от страха смерти, который сковывает нашу культуру. Нам не следует обманываться дорогостоящими развлечениями, которые отвлекают нас от осознания реальности нашей смертности и производят иллюзию нашего бессмертия. Мы также освобождены от безумной необходимости любой ценой предотвращать смерть: нам не нужно хвататься

---

⁸ Для широкого обсуждения церковного спонсорства организаций, которые дают кров и пищу бедным, заботятся о больных, престарелых и умирающих от четвертого века до настоящего времени, см. Guenter B. Risse, *Mending Bodies, Saving Souls: A History of Hospitals* (New York: Oxford University Press, 1999).

⁹ John Donne, "Holy Sonnet X," in *The Complete Poetry and Selected Prose of John Donne*, ed. C. M. Coffin (New York: Modern Library, 1952), pp. 250-51.

за жизнь или при первой возможности использовать каждую медицинскую новинку. Мы можем без страха смотреть в лицо смерти, потому что верим в обещание воскресения. Это значит, что отклик на старение характеризуется здоровой уверенностью, независимо от того, с какими испытаниями и трудностями нам ни пришлось бы встретиться. Как христиане, мы научены, как умирать.¹⁰ Мы готовились к этому с самого детства, неделю за неделей сосредоточивая свое внимание на истории о кресте и воскресении. Нам не нужно прятать глаза от своей собственной смерти, потому что наша тождественность основана на распятом Мессии, который впереди нас прошел через смерть и воскресение. Поэтому Павел мог призвать фессалоникийцев не бояться смерти, которая могла отделить их от их любимых:

Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним... Итак утешайте друг друга сими словами (1 Фес. 4, 13-14.18).

Заключение

В свете проведенного библейского исследования, что мы можем сказать о том, как Писание влияет на наше собственное понимание старения? Завершая эту главу, мы предлагаем несколько мыслей о христианском отклике на старение, сформированных свидетельством Писания.

Библейское свидетельство находится скорее на стороне схожести, нежели различия между пожилыми и молодыми христианами. Всем последователям Христа следует быть бдительными и ожидать Бога в продолжение всей своей жизни. По своей сути практика бдительного ожидания включает в себя регулярное участие в общем прославлении. Публичное исповедание исторического Символа веры, слушание Слова и цикл литургического года обеспечивает постоянное повторение истории, которой должна соответствовать жизнь христиан. Через повторение мы познаем тайну, о которой говорит Павел: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20).

Христиане достигают пожилого возраста, и длительное ожидание дарует им мудрость в понимании царства Божьего, с чем молодые христиане должны считаться и чему должны уделять пристальное внимание. Особая обязанность пожилых христиан заключается в том, чтобы вести, учить, попечительствовать по мере своих даров и в силу необходимости.

---

¹⁰ Stanley Hauerwas, *A Community of Character: After Christendom*, 2nd ed. (Nashville: Abingdon, 1999), p. 43.

Если престарелые христиане физически не могут заботиться о себе, и у них нет семьи, которая могла бы это делать, церковь обязана обеспечить им уход. Даже в слабости и болезни их служение добрым примером будет иметь плод, они воплощают крестный путь и с благодарностью принимают служение других.¹¹

В конце жизни христиане остаются открытыми к возможности, что Бог будет решительно действовать в истории и в их собственной жизни в такой мере, что перевернет ее вверх дном. Они могут быть призваны к новому служению. Они могут получить новое откровение. Они могут увидеть осуществление долгожданной надежды. В этом они ничем не отличаются от более молодых христиан.

И, наконец, в пожилом возрасте, как и в молодом, христиане должны руководствоваться примером Христа в своей повседневной жизни и в отношениях с другими людьми. И перед лицом смерти, что для них более вероятно, чем для молодых христиан, старцы, практикующие в своей жизни самопожертвование, покорно повинувшись Иисусу, могут отвергнуть страх и облечься в надежду легче, чем те, у кого было меньше такого опыта. Большую часть своей жизни они помнили и повторяли историю страстей Иисуса, поэтому они встречают смерть, ожидая, что их история, как и его, будет иметь продолжение в жизни воскресения. Но их вера – это не естественный плод или награда самого возраста, скорее, это результат жизни. Поэтому христианский отклик на старение – это обыкновение верить Божьему Слову и жить согласно ему всю свою жизнь, столько, сколько Бог дает.

---

¹¹ По этой теме см. Одри Уэст “Whether by Life or by Death: Friendship in a Pauline Ethic of Death and Dying,” chap. 3 (Ph.D. diss., Duke University, 2001).